

15/eastern-galicia#S5CV0161P0 _19230315_CWA_163. – Date of access : 02.03.2016.

29 Raport polityczny № 52/22, ściśle tajne, Londyn, 24.11.1922 // Archiwum Act Nowych w Warszawie. – Zespół 463. – Sygn. 61. – S. 286–290.

30 Raport polityczny № 55/22, Londyn, 16.12.1922 // Archiwum Act Nowych w Warszawie. – Zespół 463. – Sygn. 61. – S. 312–321.

31 Raport polityczny № 10/23, Londyn, 06.03.1923 // Archiwum Act Nowych w Warszawie. – Zespół 322. – Sygn. 5068c. – S. 19–24.

Alena Dubrouka. British parliament and decision on the issue of Poland's eastern borders international recognition in 1923. *In the article the participation of the British Parliament in the decision-making process on the issue of the eastern borders of Poland international recognition in 1923 is found out and characterized, the circumstances that led to the content and nature of parliamentary appeals on this issue are revealed. It is concluded that the growth of the opposition appeals to the question of the eastern Polish borders has stimulated Foreign Office to its decision as well as to search for a formula that would allow the government to maintain credibility within the country.*

УДК 94(476)"1939":94:314.151-054.73(438)"1939"

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПОЛЬШИ В СЕНТЯБРЕ 1939 Г. В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

Большинство простых жителей республики относились к беженцам с сочувствием. Люди видели их бедственное положение Нередко (это относится к еврейским организациям региона), они оказывали им материальную и иную помощь. Представители органов власти воспринимали беженцев в большинстве совсем как обузу, которую повесили на них.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. 17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев – поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, частично в Румынию,

Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населенных пунктов Западной Украины и Западной Беларуси. Более того, беженцы большими группами продолжали прибывать в Западную Беларусь вплоть до конца сентября 1939 г., т. е. до установления окончательной границы между СССР и Германией.

В основной своей массе это были представители еврейской национальности, которые пытались найти убежище в СССР. В этой связи 6 октября 1939 г. в донесении начальника политического управления Белорусского фронта Иванова армейскому комиссару Л. Мехлису отмечалось следующее: «В городе Соколов и на дороге к реке Буг в течение 3–5 дней наблюдается непрерывный поток беженцев, едущих и идущих с детьми на территорию Западной Беларуси. Евреи – беднота со слезами на глазах говорят: «Только при Красной Армии с нами стали говорить как с людьми» [1, л. 22–25]. Данное обстоятельство было неудивительным. В докладной записке секретаря Брестского обкома КП(б)Б Н. Киселева в ЦК КП(б)Б указывалось: «Немецкие военные власти издеваются над еврейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, запрещают ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке города...» [2, л. 3].

Необходимо отметить, что евреи подвергались гонениям не только со стороны немецких властей, но и со стороны поляков. Так, в упомянутом нами письме П. Варгафтер приводится следующий факт: «...После прихода немцев в Варшаву сильно чувствовался антисемитизм среди польских рабочих. Они помогали немцам в угнетении евреев...». Аналогичные примеры отмечали и другие беженцы [3, л. 1–13].

Начиная с октября 1939 г., поток беженцев с немецкой территории значительно сократился, т. к. советские пограничные части задерживали этих людей и, несмотря на слезные просьбы, выдворяли их обратно. Только 24 октября 1939 г. около 700 беженцев, в основном женщины и дети, с криками: «Бейте нас, но обратно мы не пойдём», пытались перейти советскую границу. 28 сентября 1939 г. аналогичную попытку предприняли 340 беженцев. Все эти попытки решительно пресекались советскими пограничными частями [4, л. 236, 239, 255].

Несмотря на принимаемые советскими пограничниками меры, беженцы продолжали нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года, тем более что, как отмечали сами беженцы, сделать это было несложно [3, л. 2]. О массовости нарушения беженцами советско-германской границы свидетельствует такой факт.

Начиная с 13 октября 1939 г., дислоцировавшимся в районе г. Бреста советским пограничным отрядом, за нелегальный переход границы ежедневно задерживалось 100–120 беженцев. Первоначально вопросы, связанными с расселением и трудоустройством беженцев в Западной Беларуси, занимались созданные при городских и областных временных управлениях комиссии по устройству беженцев. Они размещали их в школах, синагогах, на частных квартирах, пытались устроить их на работу. Большую помощь оказывали местные еврейские общины, которые отдавали беженцам синагоги под интернаты. Только в г. Белостоке им было передано 30 синагог, а в целом по области – 63 [5, л. 179].

Однако прибывших в Западную Беларусь беженцев было так много (по некоторым данным их насчитывалось порядка 125 тысяч человек), что местные органы власти оказались не в состоянии в полной мере осуществить данные мероприятия. В оперативной сводке Л. Цанавы П. Пономаренко, датированной 13 октября 1939 г., отмечалось, что в г. Белостоке беженцы проживают чрезвычайно скученно, в одной из еврейских школ, максимальная вместимость которой составляла 1500 человек, проживает 3000 человек [6, л. 79–80]. Скученность населения вызывало угрозу инфекционных заболеваний. Только среди прибывших в г. Белосток было выявлено 40 человек больных тифом.

Ситуация осложнялась тем, что нередко беженцы прибывали в Западную Беларусь без теплой одежды, обуви и иных средств к существованию. Имели место случаи, когда местные жители грабили колонны с беженцами. Подобные факты фиксировались не только на территории Западной Беларуси, но и в Западной Украине. Например, 26 сентября 1939 г. Военный совет Украинского фронта принял постановление «О случае мародерства и изнасилования со стороны красноармейца 59-го кавполка 14-й кавдивизии Фролова Егора Ефимовича». В ночь на 21 сентября в Езерно Фролов задержал беженцев, запугав их, присвоил часть вещей и изнасиловал женщину. Фролов был осужден к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение [7, с. 374].

14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б принимает решение просить ЦК ВКП(б) разрешить разместить 20 тысяч беженцев на территории БССР [8, л. 24–25]. 21 октября 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР удовлетворили эту просьбу [9, л. 218]. К 14 ноября 1939 г. в БССР прибыло около 22 тысяч беженцев. По национальному признаку евреев было – 17 803, поляков – 432, русских – 318, белорусов – 119, украинцев – 77, прочих – 7. Среди указанных данных дети не показаны [10, л. 274].

Отношение рядовых жителей республики к беженцам было неоднозначным. Можно было встретить жалость к этим людям, удивление

их желанию приехать в БССР, отмечались даже негативные эмоции по отношению к ним.

Немало было случаев, когда жители БССР, в основном еврейской национальности, помогали беженцем трудоустроиться, пытались оказать им материальную помощь. Так, 16 января 1940 г. в одной из Минских синагог, как сообщали органы НКВД БССР, «состоится сборище еврейских клерикалов в количестве 30–35 человек... На указанном вечере предполагается сбор денежных средств в пользу семей... беженцев из Западной Белоруссии... На вечере будут присутствовать беженцы из бывшей Польши» [10, л. 92–94]. В протоколе заседаний Дрибинского райкома от 6 декабря 1939 г. отмечен следующий факт: «...Председатель Роснянского сельсовета, Дрибинского района т. Петров и директор спиртзавода т. Покосенко, допустили сбор пожертвований с рабочих завода и жителей местечка Рясна в пользу беженцев, прибывших на жительство в Дрибинский район. Райкомом предложено Петрову и Покосенко возратить собранные деньги...».

Некоторые жители БССР встретили беженцев с удивлением. В основном такую реакцию демонстрировали те, кто был недоволен советской властью или знал действительное экономическое положение в Польше. Эти люди не могли понять, почему беженцы бегут из сытой Польши в СССР, где в магазинах зачастую не было самого необходимого. Так, согласно донесениям органов НКВД по Полесской области, среди некоторых жителей региона имели место в отношении беженцев такие высказывания: «Зачем вы сюда приехали, в России нет ни мануфактуры, ни сахара, и вообще ничего нет», – заявила беженцам некто Ракитская, муж, брат и племянник которой были репрессированы в 1937 г. Колхозница колхоза «3 Решающий» Мозырского района среди беженцев говорила: «Что вы сюда приехали, вы тут с голоду умрете, вас тут будут кормить пополам с водой» [11, л. 280–281].

Часть жителей БССР была недовольна приездом беженцев. Эти люди считали приезжих нахлебниками, которые не хотят работать, а требуют предоставления им квартир, создания хороших бытовых условий и т. д. Как доносили органы НКВД Могилевской области первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко, среди жителей области имело место недовольство приездом в область беженцев. Так, «некоторые жители г. Костюковичи с сопротивлением отнеслись к приему и размещению прибывших беженцев из Западной Белоруссии, о чем свидетельствуют следующие факты. 9 ноября с. г. на совещании в Горсовете по вопросу размещения по квартирам беженцев с резким протестом выступил член сапожной артели «Красный богатырь»

Мотянко С., беспартийный белорус. Спустя два дня, т. е. 11 ноября в городе появились местные анонимные письма с протестом против размещения беженцев, кроме того, обнаруженные письма носят явно антисоветский, шовинистический характер» [12, л. 134].

Среди Жителей Полесской области органы НКВД БССР регулярно отмечали высказывания подобные на заявление колхозника Головача в кругу других колхозников: «Кто-то воевал и голову положил и когда потребуется оказать какую-либо помощь колхознику, то ему нет, а как евреи, то все переехали в Советский Союз, им выдают пособия, предоставляют работу, в колхоз ни один не пошел, это все на нашу шею; колхозник должен хлебом всех кормить...» [11, л. 281]. В конце ноября 1939 г. некоторыми жителями г. Минска было захвачено часть синагог города. «Захватчики ночью врываются в синагоги, выдавая себя за работников милиции и насильственным путем, в отдельных случаях применяя физическое воздействие, занимали синагоги под квартиры. Сторож синагоги, оказавший при захвате сопротивление, был избит и от нанесенных побоев умер. Один из участвующих в захвате на предложение освободить синагогу ответил: «Не боюсь, кто приехал из Западной Белоруссии, получили хорошие квартиры, а рабочих выбрасывают на улицу... Наши церкви закрыли, а синагоги оставили, для них все оставляют...» [10, л. 339–342].

Со стороны ответственных лиц очень часто проявлялось бездушное, черствое отношение к беженцам. Эти люди нередко воспринимали беженцев как дополнительную обузу [18, с. 29]. В Гомельской области имели место случаи, когда отпускаемые беженцам продукты питания были недоброкачественными (гнилой картофель, вместо гороха выдавался семенной материал). Заведующая Жлобинским райздравом отказалась оказать помощь заболевшему беженцу, мотивируя это тем, что, якобы, нет бензина [13, л. 324]. В Скрыгаловском сельском совете Мозырского р-на в связи с антисанитарным состоянием жилищ для беженцев наблюдались случаи вшивости [11, л. 267]. Заведующий учебной частью по подготовке механизаторских кадров Полесской области не обеспечил надлежащие бытовые условия для учебы беженцев. Когда они начали обращаться к нему с жалобами по поводу плохого питания, он отвечали им: «Если вам плохо, уезжайте домой». Рабочий Мозырской ГЭС беженец Чернович не получал заработную плату в течение 1,5 месяца. Когда он обратился по поводу отсутствия денег на пропитание к директору, получил следующий ответ: «А для чего вам кушать, можно и без этого обойтись» [14, л. 21]. Рабочий – беженец Познанский, работая с местным монтером Супруненко, указал ему на недостатки в работе, на что последний немедленно выразился

в антисемитской форме. Беженка Заурберман, работавшая на лесозаводе «Пролетарий», несколько раз обращалась в городской совет Мозыря с просьбой по состоянию здоровья перевести ее на более легкую работу, однако в помощи ей было отказано [15, л. 129–130].

К директору мебельной фабрики «Профинтерн» г. Мозыря обратился беженец Айзенберг с просьбой поселить его в отдельную комнату в общежитии в связи с тем, что он собирается жениться. На это он получил отказ (директор намеревался заселить в комнату некую М. Савенко). После самовольного заселения по приказу директора он был выселен из общежития. При этом директор неоднократно публично заявлял: «Не могу я работать с этими евреями» [16, л. 321, 393].

По этому поводу среди беженцев нередко отмечались высказывания такого рода: «К беженцам здесь относятся хуже, чем к собакам, в каждом из нас видят шпиона», – заявил один из них в беседе с рабочими мозырского завода «Пролетарий» [15, л. 130].

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить следующее. Значительная часть еврейских беженцев, прибывших в БССР, не встретила к себе достойного отношения со стороны местных органов власти в устройстве на работу, обеспечении жильем и т. д. Более того, нередко со стороны местных жителей имело место проявление антисемитизма. Как результат, только к 7 февраля 1940 г. около 4 308 беженцев (не считая детей) бежали в Западную Беларусь, на Украину, другие регионы Советского Союза, даже в Польшу оккупированную Германией. Из них более 90 % были представителями еврейской национальности и незначительная часть поляков.

Список использованных источников и литературы

- 1 Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1739.
- 2 Там же. – Д. 1585.
- 3 Там же. – Д. 1777.
- 4 Там же. – Д. 1689.
- 5 Там же. – Д. 1942.
- 6 Там же. – Д. 1683.
- 7 Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М., 2001.
- 8 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 870.
- 9 Там же. – Оп. 21. – Д. 1486.
- 10 Там же. – Д. 2075.
- 11 Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее: ГАООГом.обл). – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 64.

- 12 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1682.
- 13 Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1230. – Оп. 1. – Д. 13.
- 14 ГАОО Гом. обл. – Ф. 702. – Оп.1. – Д. 126.
- 15 Там же. – Д. 127.
- 16 Там же. – Д. 128.
- 17 Лазько, Р. Р. Паход Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 г.: погляд з Усходу / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны сшытак. – Беласток, 2000. – № 13. – С. 21–32.

Dzmitry Tolochka. Refugees from Poland in September 1939. In the public perception of Soviet Belarus. *The majority of simple inhabitants of republic concerned refugees with sympathy. People saw their distress Quite often (it concerns the Jewish organizations of region) they rendered them material and other help. Representatives of authorities perceived refugees in the majority just as a burden which have hung up on them.*

УДК94:329.18:351.746.1(474.3)"1941-1944":94:329.18:355.716(476.1)"1941-1944"

А. П. Богданова

Белорусский государственный университет

ЛАТЫШСКАЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ОХРАНЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ ТРОСТЕНЕЦ

С первых дней оккупации Минска и его окрестностей нацистами был установлен режим кровавого террора и насилия. Пособниками военных преступлений были латышские коллаборационистские формирования. Команда СД Арайса принимала непосредственное участие в систематическом уничтожении советских военнопленных, партизан, подпольщиков и мирного гражданского населения, а также несла охрану узников Тростенецкого лагеря и мест массового уничтожения в его окрестностях.

В годы Великой Отечественной войны на территории оккупированной Беларуси в войсках вермахта, формированиях СС, полиции безопасности и СД, а также в других оккупационных вспомогательных частях и командах находились представители различных национальностей. За период оккупации Беларуси, нацистами и пособниками нацистского режима было совершено огромное количество преступлений против человечности: массовые и одиночные казни мирного населения и военнопленных, уничтожение граждан еврейской национальности, карательные экспедиции против партизан и подпольщиков, а также